

Александр ЗБРУЕВ:

С КНЯЗЬКАМИ Я НЕ УЖИВАЮСЬ

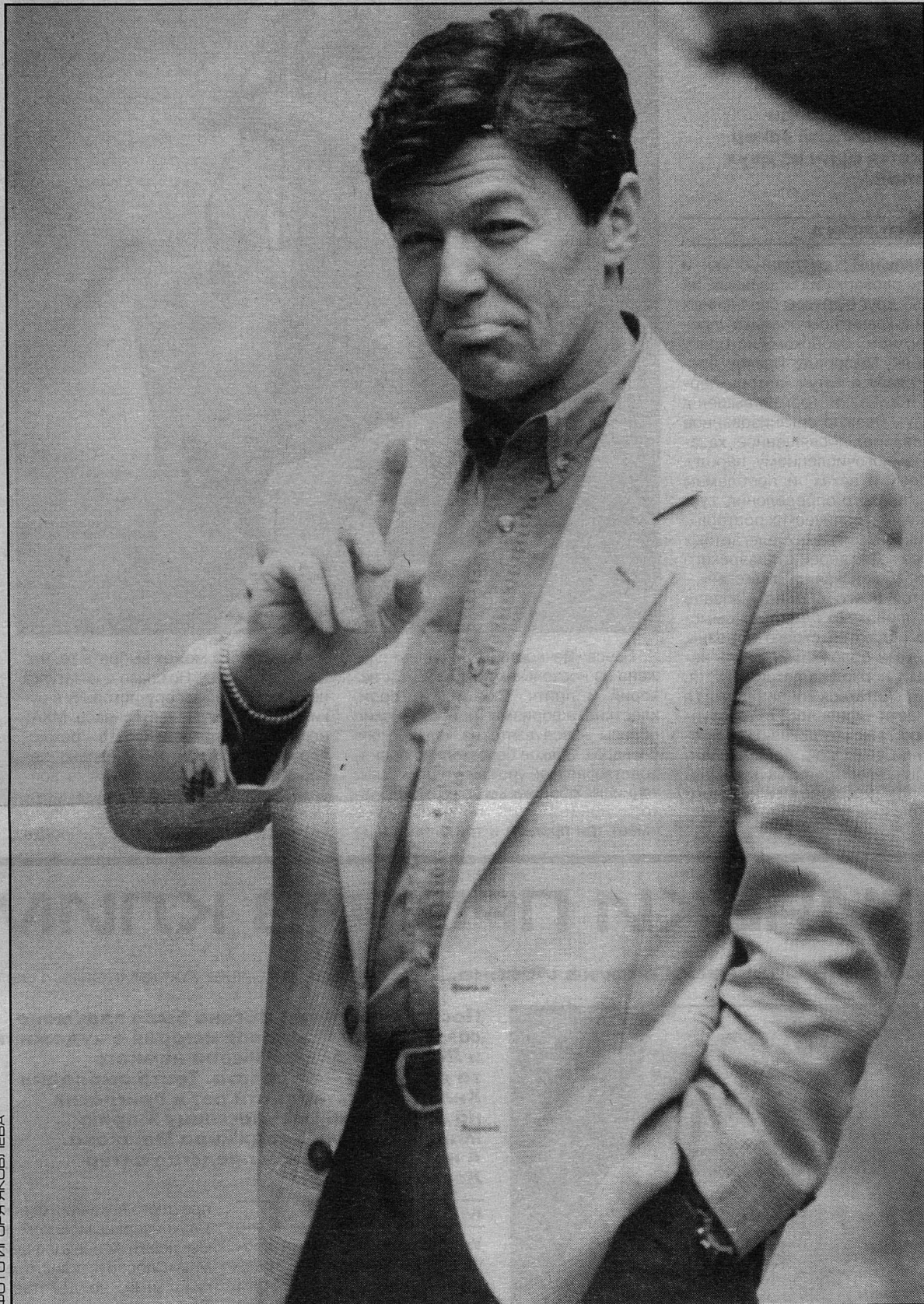

ФОТО ИГОРЯ ЯКОВЛЕВА

Родился Александр Збруев на Арбате. Отец его был крупным руководителем, занимал пост заместителя наркома связи. Мать — из адвокатской семьи, имела актерское образование. В самом конце 1937-го отца арестовали как «врага народа». Суд длился 15 минут, приговор был краток: расстрел. «А нас с матерью отправили по этапу в исправительно-трудовой лагерь под Рыбинском», — вспоминает Александр Викторович.

— Почему одни находят свою дорогу в искусстве, а другие — нет? От чего зависит успех?

— Наверно, от требовательности к себе прежде всего. Хотя успех бывает порой несправедливо избирателен. Он не только от таланта зависит. К тому же талантливый человек, как правило, неудобоварим в общении, его нелегко понять...

— Вы ощущаете любовь зрителей?

— Да. Но у меня есть еще и такое ощущение, что меня и любить-то не за что. Нет, я не кокетничаю. Я давно работаю в театре и кино, но не сделал того, чего хотелось бы. Да, играю, могу нравиться, но я-то знаю, чего я не сыграл. Я не сыграл князя Мышкина, Гамлета, не сыграл в Булгакове, Чехове, Гоголе. Меня долго не покидало ощущение колоссальных простоя в театре, как, впрочем, и многих других актеров. Некоторые молчат по пять-шесть лет...

— Почему вас так редко можно встретить на тусовках?

— Я тусуюсь «от» и «до». Не более того. В застолье поддерживаю беседу, могу даже быть веселым. Но до определенного момента. Я от этой суеи устаю.

— Вам доводилось играть один и тот же спектакль по несколько сотен раз. Как удается не повторяться?

— Тут важно соприкосновение с сегодняшним днем. Это на уровне ощущения. Вот, например, я иду в театр на утреннюю репетицию по подземному переходу на Пушкинской. И простая встреча с кем-то, какой-то случай или крик торговки могут подарить тот самый свежий эмоциональный заряд.

— В том смысле, что сегодня торговка кричит с другим настроением, чем вчера?

— Что-то в этом роде. И эту ноту очень важно уловить. Она выразит особенность сегодняшнего дня, что-то тебе подскажет. Если с утра удастся поймать эту эмоцию, то вечером я, опираясь на нее, могу сыграть спектакль иначе, чем это было вчера.

— Насколько вам важна отдача зрительного зала?

— Обязательно зрительный зал должен отдавать, иначе тяжело. Иногда бывает роль физически сложная — тратишь очень много энергии, и напряжение такое, что словами не передать. Но вот интересно: два с половиной часа работы в такой роли (в том же спектакле «Школа для эмигрантов») с полной выкладкой меня заряжали больше, чем, предположим, роль, которая не требует особых эмоциональных затрат в «Варваре и Еретике». Я в «Варваре» играю очень сдержанного англичанина, а устаю гораздо больше. Я там от зрителей не заряжаюсь. Потому что сам не выплескиваюсь, и энергия просто не может вернуться обратно. У меня как-будто что-то отбирается, а мне назад не возвращается. Я в этом спектакле — подсвет, в хорошем смысле, для главных исполнителей.

— На сцене легче быть фигурой?

— Дело не просто в «фигуре». Есть работы, которые можно играть, а можно и не играть. Мой герой — он вроде бы и фигура, но он ничего не решает. Это как в жизни — когда тебя ведут за руку, что-то за тебя определяют, а ты только говоришь «да» или «нет». То есть находишься в руках обстоятельств, которые никак не можешь изменить. При том что тебе очень хотелось бы и очень надо было бы это «что-то» изменить. Но ты уже наперед понимаешь, что ничего не получится...

Мне очень нравилась «Школа для эмигрантов», потому что там все время зритель был со мной, он был ведом нами, был у нас с моим партнером Сашей Абдуловым «в руках». Это была сплошная импровизация. Мы заводили зрителя туда, куда он сам и не думал попасть.

— Вы подняли очень интересную тему: способность человека коренным образом изменять ситуацию. Вам в жизни это часто удается?

— Я живу достаточно замкнутой жизнью. Не было такого, чтобы кто-то от меня зависел, и я стараюсь ни от кого не зависеть. Мне очень трудно приспособливаться. Если я участвую в каком-то общем деле — кино, например, то стараюсь больше протолкнуть весь проект, чем самого себя. Вот мне нравился фильм Тиграна Кеосаяна «Бедная Саша». Не важно даже как я там сыграл. Мне важно было, как он в целом прошел, чтобы его заметили, чтобы заговорили о Тигране, о моих партнерах.

— У вас бывали столкновения с режиссерами на съемочных площадках?

— Да не то, чтобы... Но кое-кто меня на свою картину второй раз не приглашает. Есть такая интересная тенденция: человек начинает снимать фильм, и не замечает, как становится князьком.

— Когда вы сталкивались с подобной ситуацией — отстаивали свое мнение?

— Было. Режиссеру в такие моменты почему-то казалось, что я его отрицаю. А это — не отрицание. Это мое дополнение к тому, что он сам предлагает... Я очень почитаю истинно талантливых людей, с которыми мне посчастливилось работать — это и Эфрос, и Марк Захаров, и Валерий Фокин. В кинематографе — Андрон Кончаловский, Сергей Соловьев, Дмитрий Астрахан... (Боясь кого-то обидеть, не называть). Но все равно каждый актер имеет еще и свою внутреннюю режиссуру, свое понимание сегодняшней нужности чего-либо и того, к чему не надо обращаться.

Встречалась
Елена АНАТОЛЬЕВА

Збруев Александр

8.05.2002